

ОТ ЗАКАТА ДО РАССВЕТА: НАРРАТИВИЗАЦИЯ ЕДИНСТВ(А) ЕВРОПЫ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА¹

В.Ю. Апрыщенко

Аннотация. Статья посвящена трансформации европейских нарративов в условиях современного кризиса. В ней анализируются задачи, стоящие перед политическими и интеллектуальными элитами, а также комплекс мероприятий, направленных на конструирование идентичности. В качестве источников используются аналитические материалы и доклады Совета Европы, а также материалы медиа, составляющие основу нарратива. Автор приходит к выводу о том, что в условиях быстро меняющейся европейской архитектуры трансформация нарратива становится постоянным процессом. Контекстом этого процесса является не столько сам кризис, сколько усиливающийся процесс формирования различий (экономических, политических, этнических и др.) между частями и регионами Европы. Этот процесс, свидетельствующий о трансформации самой Европы, постоянно требует новых объяснений и нарративов и превращает европейский нарратив в европейскую нарративизацию. Вместо заката Европы более справедливо говорить о закате старого нарратива Европы.

Ключевые слова: Европа, европейская интеграция, европейский нарратив, нарративизация, кризис Европы, различие, мультикультурализм, европейская идентичность, коллективная память.

Апрыщенко Виктор Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, victorap@sfedu.ru.

¹ Данная статья публикуется при поддержке Европейского Союза в рамках деятельности Сети Жана Монне NEMESIS «Память и безопасность в Европе и за ее пределами» (проект № 565149-EPP-1-2015-EPPJMO-NETWORK). Содержание публикации является выражением мнения ее автора и не отражает официальную позицию Европейского Союза.

FROM DUSK TILL DAWN: NARRATIVISATION OF EUROPEAN INTERGRITY(IES) IN THE ERA OF CRISIS

V.Yu. Apryshchenko

Abstract. The article is devoted to transformation of European narratives in the context of contemporary European crisis. The author analyses goals which considered by political and intellectual elites as well as measures directed towards construction of identity. Analytical materials and reports of European Council and media publications are core primary sources used in the article. The author concludes that in the context of European architecture change the transformation of narratives becomes permanent process, but the crisis is not only context. The growing diversification process including economic, political, ethnical is also important part of contemporary European development. This process requires new explanations and narratives and transforms European narrative into European narrativisation. The decline of Europe in reality means decline of old European narrative.

Keywords: Europe, European integration, European narrative, narrativisation, crisis of Europe, diversity, European identity, collective memory.

НЕОКОНЧЕННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЕВРОПЫ

Все первое десятилетие XXI в. прошло под неутрахающие дискуссии о кризисе Европы, который грозит геополитическими потрясениями не только самим жителям Старого Света, но и утратой стабильности всей мировой цивилизации. Сначала т.н. «греческий вопрос» испортил настроение тем, кто предрекал единой Европе светлое будущее, в котором будут стерты границы между нациями и культурами. Общественные и политические деятели, считающие себя евроскептиками, вновь заговорили о том, что Европа слишком многообразна, населена народами, относящими себя к разным культурам и традициям, в том числе и экономическим, и наиболее развитая ее часть не обязана кормить и снабжать кредитами те регионы, которые еще не готовы жить в едином европейском доме. Одновременно с этим во второй половине 2015 г. дал о себе знать другой кризис – «миграционный», когда под влиянием обострившейся ситуации на Ближнем Востоке в Европу хлынули тысячи нелегальных иммигрантов, с риском для жизни пытавшихся найти здесь убежище. И снова часть политического истеблишмента заговорила о «Европе не для всех» как о единственной альтернативе утраты собственной идентичности, грозящей уже самому Старому Свету. Наконец, оба этих кризиса хотя и несколько затушевали, но не устранили полностью еще одну «угрозу» единой Европе. Регионализм, в первую очередь в лице Шотландии и Каталонии, организовавших референдум и голосование по вопросу о независимости, заставил поволноваться многих политиков. Хотя в двух этих случаях независимость понимается несколько по-разному и статус голосования в этих регионах был различным, идея заката наций и национализма, настойчиво звучавшая еще несколько десятилетий назад, теперь кажется далеко не столь реалистичной, а проблема соотношения национального и наднационального в ЕС остра как никогда прежде.

Третья волна евроинтеграции, в рамках которой разворачиваются дискуссии о будущем единой Европы, характеризуется особым вниманием к вопросам политики и практик европейской исторической памяти. Тогда как первая волна касалась проблем экономического объединения, вторая – политического единства, третья, связанная с внедрением «европейскости» на уровне знаний, целей и ценностей, оказалась наполнена наибольшим числом противоречий. При этом цель сближения европейских наций в сфере каждодневных практик и опыта должна быть распространена и на «Новую Европу» – те государства, которые по целому ряду характеристик отличаются от стран, составивших ядро ЕС. Очевидно, что ширящиеся масштабы коммуникации между теми народами, которые ныне относят себя к ЕС, ставят перед политическими и интеллектуальными элитами, равно как и перед обычными гражданами Европы, вопрос преодоления разного рода границ, в первую очередь культурных и языковых, а также проблему формирования общей исторической памяти.

Осознавая все возрастающие сложности, несколько лет назад Европейская комиссия инициировала кампанию, призванную произвести новый европейский «нарратив» и тем самым вдохнуть новую жизнь в идею единой Европы. В марте 2014 г.

комитет по культуре Еврокомиссии, давая оценку состоянию, в котором находится единая Европа, выражал тревогу по поводу состояния «общих ценностей мира, свободы, демократии и справедливости», а также обеспокоенность положением культуры, являющейся «главным источником, питающим Европу и поддерживающим европейское социальное и политическое тело». Эта обеспокоенность, как и осознание связи самой идеи Европы и символов единства с европейским нарративом, отражает неуверенность в будущем европейского процветания и самой интеграции.

Причин тому множество, и коренятся они, вероятно, в самой идее единой Европы, а также в тех процессах, которые развиваются на европейском континенте в последние десятилетия. Начиная с самого массового расширения ЕС в мае 2004 г. и вплоть до нынешних дебатов о будущем евроинтеграции еврооптимисты постоянно подвергаются критике со стороны тех, кто к будущему европейского единства подходит гораздо более скептически. С аргументами последних спорить порой достаточно сложно – уж слишком много различий накопилось среди двадцати восьми (а вскоре – двадцати семи) стран ЕС. Европа сегодня раздирается спорами по поводу своего единства в целом ряде вопросов. Это и проблема миграционного регулирования, суть которой гораздо глубже, чем просто вопрос о том, кого пускать на европейскую землю, а кого нет. Природа этих дискуссий заключается в том, кого можно считать европейцем, а кто по целому ряду критериев не отвечает требованиям европейскости. Так же и брекзит, вызывающий многочисленные споры, имеет гораздо более глубокие корни, чем просто вопрос об особости Великобритании в семье европейских народов. Речь же идет о том, насколько одна страна должна нести ответственность за судьбу европейского единства.

Все эти проблемы, разбавленные неурегулированностью целого ряда региональных вызовов, таких как ближневосточный, украинский и другие, и воспринимаемые как вопросы глобальной безопасности и угроза сложившемуся миропорядку, создают впечатление кризиса или даже «конца» Европы. Концепт «заката» европейской цивилизации в этой связи как никогда актуален и востребован разными группами: политическими, интеллектуальными, культурными. Но хотя «кризис» и обсуждается на разных уровнях, включая академический и в рамках медиа-пространства, большая часть профессиональных участников осознают два факта. Во-первых, сама категория «кризиса», «конца» или «заката» является метафорой, призванной свидетельствовать о переходном состоянии и формировании новых отношений в рамках какой-либо системы. При этом речь идет о любых уровнях отношений: национальных и международных, индивидуальных и коллективных, темпоральных и пространственных.

Публикуя свой «Закат Европы» почти сто лет назад, Освальд Шпенглер создавал новый нарратив, отвечающий вызовам его времени. И точно так же, как и столетие назад, сегодня Европа стоит перед необходимостью в условиях кризиса создать такой непротиворечивый образ прошлого и будущего, который отвечал бы реалиям настоящего. После окончания Первой мировой войны необходимо было объяснить тот путь, по которому Европа пришла к своему нынешнему состоянию, и наметить

перспективы будущего развития. В этой связи Освальда Шпенглера, опубликовавшего свой «Закат Европы» в 1918–1922 гг., воспринимали как пророка. После кровавого четырехлетнего конфликта его предсказание о том, что Старый Свет движется к закату, воспринималось как мрачная, но вполне справедливая истина. При этом во многом этот прогноз совпадал с идеями других интеллектуалов, которые размышляли отдельными аналитическими категориями, такими как экономический кризис, охватывающий все более обширные пространства, военный и технический прогресс, способный уничтожить человечество, антиколониальные движения, способные подорвать могущество европейской цивилизации. Для многих эти процессы были очевидны, и поэтому нарратив, созданный О. Шпенглером, многих не оставил равнодушными и стимулировал новые вопросы, например, откуда именно исходит угроза и является ли она следствием развития самой европейской культуры, в которой заложены механизмы самоуничтожения?

Эти вопросы требовали нового нарратива, который мог бы прояснить особенности развития Европы, характер идей, объединяющих население континента, а также степень единства европейской семьи народов. Шпенглеровский нарратив открывал эпоху нарративизации, когда концепции Европы стали сменять одна другую, и, чем более обширные кризисы охватывали Старый Свет и быстрее менялась ситуация на континенте, тем активнее шел процесс нарративизации.

Полагая цивилизацию высшей точкой развития культуры и одновременно знаком близящегося заката, О. Шпенглер, тем не менее, не рассуждал в категориях «последнего дня Европы». Для него закат – это перспектива, и, как любой закат, она может быть прекрасна. Это некое движение, наполненное новыми красками и делающее Европу неоконченным проектом. В этом смысле взгляд другого мыслителя, Фрэнсиса Фукуямы, о конце политики сегодня выглядит все более и более спорно [Fukuyama, 2006]. Статьи, представленные в данном номере журнала, свидетельствуют об этом неоконченном приключении Европы, когда европейская идентичность, попавшая в состояние кризиса, каждый раз ищет новые формы репрезентации, выражаемые в новых нарративах, бросающих вызов самой идее единой Европы.

С точки зрения геополитики, нынешняя Европа подвергается проверке на прочность не только состоянием общеевропейской экономики, с большим трудом выходящей из кризиса, и неурегулированностью целого ряда территориальных вопросов, но и массовым наплывом мигрантов, а также нарушением баланса, вызванного травматическим опытом распада Советского Союза. Все это сопровождается и сложностью экономического перехода, и изменениями социальных отношений, что связано с усилением ксено- и исламофобии, поправлением политического спектра и ростом националистических движений. Технологические изменения, вызванные развитием цифровой культуры, теперь делают возможным (а часто – необходимым) репрезентацию культуры и идентичности в новых форматах, в то время как старые формы нарративов подвергаются критике со стороны молодежи. Наконец, все еще длящиеся последствия 1989 г., связанные с медленной интеграцией

бывших социалистических стран, требуют нового европейского нарратива, часто противоположного тому, что предлагается Западной Европой. После 1989 г. все внимание европейских политиков и интеллектуалов было сосредоточено на том, как будет формироваться пост-социалистическая идентичность народов Восточной Европы, и мало кто интересовался тем, как эта идентичность соотносится с европейским проектом, как видится этот проект со стороны восточной части континента, какими нарративами он описывается.

Все эти вопросы и поиск ответов на них, выражаемый в новых представлениях, делают Европу не просто неоконченным приключением, но нарративизируют ее и превращают в процесс, развивающийся между (разделенным) прошлым и (единым) будущим. Интеграция опыта бывших стран социалистического лагеря в европейский нарратив требует пересмотра оценок и учета различного регионального и национального опыта получения и изживания травм [Rigney, 2016, p. 613]. И хотя Европа не сводима к европейскому Союзу, он формирует собой те институциональные рамки, которые обрамляют сам процесс выстраивания идентичности и конструирования нарратива как изнутри, так и из-за пределов Европы.

НАРРАТИВ

В 2009 г. Европейский культурный фонд (ЕКФ) инициировал проект под названием «Новые нарративы для Европы» и в качестве его основной посылки выдвинул тезис о том, что «Европа нуждается в истории, чтобы рассказать ее» [European Cultural Foundation, 2010, p. 3]. ЕКФ был основан в Женеве в 1954 г., с 1960 г. его штаб-квартира находится в Амстердаме, а среди его основателей был Роберт Шуман, который очень хорошо понимал важность не только интеграции в сфере экономики, но и развития идеи единой Европы. Как и целый ряд других проектов, вроде «Европы для народов» и «Европы для граждан», инициированных в 1970-е гг., ЕКФ активно проводит идею о том, что европейский нарратив должен иметь целью преодоление «разрыва между Европой и ее населением, между ЕС и его гражданами». Важно, что в таком подходе между Европой и ЕС ставится знак равенства. Европейскими бюрократами не раз подчеркивался рост недовольства среди европейцев, особенно молодых, тем, каким способом европейскость связывает локальный и глобальный уровни. Для них Европа как мирный проект, объединенный общими ценностями, больше не работает. И даже, подчеркивает руководитель ЕКФ Одиль Ченаль, «позабыта магия 1989 г.». Более того, по мнению Ченаль, «евроцентризм мертв», а «Вторая мировая война больше не может служить большим нарративом для Европы, особенно для молодого населения Запада и Востока континента» [European Cultural Foundation, 2010, p. 3].

Своей основной задачей ЕКФ считал конструирование новых европейских нарративов, которые должны учитывать два фактора: темпоральный и пространственный. Неуверенность молодежи в необходимости европейского единства очень хорошо

осознается европейской бюрократией в качестве одной из угроз единству. С другой стороны, расширение ЕС и включение в него целого ряда стран Восточной Европы рассматривается как то, что может противостоять стремлению российского доминирования в регионе. Однако «новые» страны ЕС не всегда готовы соглашаться с тем взглядом на единую Европу, который им предлагает сегодня западноевропейский нарратив. Стремясь преодолеть этот раскол, ЕКФ стал поддерживать целый ряд художественных проектов, семинаров и публикаций, которые должны были объединить «интеллектуалов, художников, политиков и журналистов со всех частей Европы и из-за ее пределов».

Инициатива Совета Европы, упомянутая в начале статьи, должна была стать шагом в этом направлении. 23 апреля 2013 г. Хосе Мануэль Баррозо объявил в Брюсселе о новом проекте, посвященном реформулированию «нового нарратива для Европы». В рамках проекта был основан «Гражданский диалог», к участию в котором были приглашены молодые люди и представители культуры. Их работа вылилась в декларацию «Новый нарратив для Европы», оглашенную 1 марта 2014 г. в Берлине.

После нескольких лет поиска среди множества европейских нарративов Европейской Комиссии был представлен отчет, в котором говорилось, что теперь настало время «нового европейского нарратива для всех граждан», который будет единственным и объединит все население континента. Однако это заявление не впечатлило широкие слои европейцев. В частности, Майкл Привот, руководитель Европейской сети борьбы против расизма, 27 февраля 2013 г., еще до обнародования Декларации Баррозо, назвал документ «движением от мифа к мифомании». Он подверг критике утверждение о том, что европейский проект мотивируется общей культурой, в основе которой лежит наследие классической западной цивилизации. Вместо этого он предложил собственный «прогрессивный» нарратив: реализация для Европы «принципов равенства, солидарности и благосостояния для всех». Текст его заявления стал резким ответом всем тем, кто, по мнению Привота, действует в рамках политики строгих мер кризисного управления, что приводит лишь к увеличению дефицита ресурсов, ставит под сомнение социальное благосостояние и нарушает принципы демократии. «Никто не оспаривает, — говорит Привот, — центральную роль культуры и искусства в нашей жизни, однако нынешним европейцам необходимо будущее, а не культура» [Privot, 2014].

В этом проекте было важно и другое. В ситуации конкурирующих нарративов Х.М. Баррозо предпочел выбрать один, претендующий на то, чтобы отражать одну историю, и противостоящий полифонии идей. Вместо «новых нарративов» евробюрократы предпочли «новый нарратив». Однако с новизной идеей тоже возникал целый ряд противоречий, сводимых к тому, что новые подходы к определению того, что такое Европа, были не всем очевидны. Речь, как и прежде, шла о тексте, укоренявшем саму идею Европы, единство которой родилось в кровавых войнах и расколах, но они были преодолены совместными силами тех, кто гордится своей европейскостью [European Cultural Foundation, 2010, p. 10].

Нарратив «единой Европы» должен был, таким образом, служить созданию общей идентичности. Для того чтобы осознавать себя европейцами, требовался тот «ежедневный плебисцит», о котором применительно к отдельной нации говорил еще Эрнест Ренан в своей знаменитой лекции, прочитанной в Сорбонне в 1882 г. [Ренан, 1902]. Этот ежедневный выбор требовал не просто веры в будущее единой Европы, но основывался на усилиях представителей интеллигенции, деятелей культуры и образования, которые должны были каждый раз воссоздавать Европу, отвечая на современные вызовы. Евробюрократы, ставящие целью создание и продвижение идеи единой Европы, не могли не понимать и другого – (пост)информационное общество требует других механизмов создания идентичности. Если в эпоху модерна нации изобретались посредством романов, вроде тех, в которых Вальтер Скотт примирял «шотландскость» и «британскость», то современное цифровое общество требует иных подходов.

В значительной степени обеспокоенность европейских чиновников состоянием европейской идеи была связана с тем, что молодому поколению европейцев, изучавших историю Второй мировой войны лишь по учебникам, было недостаточно схоластической уверенности в необходимости единства ради избежания новой войны. Новый нарратив, ориентированный на молодежь, требовал иных подходов с точки зрения как формы, так и его содержания. Стремясь придать идее единства новую форму, Еврокомиссия сделала ставку на деятелей культуры и искусства, творчество которых было понятно молодому поколению. Именно с этим связано постоянное обращение евробюрократов к современному искусству. В вопросе же содержания этого нового нарратива было совершенно понятно, что речь должна идти о единстве множественностей. Чем с большим количеством вызовов сталкивалась Европа, тем быстрее должны были меняться нарративы, легитимирующие эти изменения, и процесс конструирования Европы приобретал нескончаемый характер.

В мартовской декларации Европейского Совета 2014 г. Европа рассматривалась в качестве еще одной метафоры – она полагалась как сочетание духа и тела. Европейское тело состоит из его социальных и политических институтов, но это тело нуждается в духе, который составляют наука, искусство и культурное наследие, должные противостоять «популистским и националистическим нарративам». Новый нарратив предполагал очищение этого духа: «Европа – это сообщество мысли, сформированное и направляемое ее духовным, философским, художественным и научным наследием и ведомое уроками истории». Это сообщество основано на «гражданских и социальных движениях, защищающих права тех, кто не обладает властью» и «укоренено в разделяемых ценностях мира, свободы, демократии и верховенства закона». Акцент здесь был сделан на культуре в широком понимании: «Европа как идентичность, как идея, как идеал». При этом не были обойдены и темные стороны европейского прошлого: от колониальных завоеваний, мировых войн и коммунистических режимов до современного экономического кризиса.

Все это должно было стимулировать новый нарратив лучшего будущего [European Commission Cultural Committee, 2014].

«Ренессанс и космополитизм» в этой концепции полагаются «двумя культурными идеалами», способными привести Европу в будущее. Оба этих концепта могут быть рассмотрены в качестве слегка пересмотренной версии тех ценностей, которые всегда провозглашались основными для европейцев. Еще Цветан Тодоров определял рациональность, право, демократию, индивидуальные свободы, секулярное сознание и толерантность основными политическими ценностями Европы [Todorov, 2005, p. 62–72]. Все это словно бы досталось по наследству новым европейским интеллектуальным проектам.

Дух космополитизма на протяжении нескольких десятилетий уже является одной из важных составляющих повестки Европейского Союза в политической практике и социальной теории. Рем Кулхаас в своем утопическом взгляде на Европу полагает ее «в качестве одного мега-города, части которого связаны между собой системой коммуникаций» [European Commission Cultural Committee, 2014]. Такая метафора должна подчеркнуть роль межкультурного взаимодействия с его символами окон, мостов и дверей на евро-банкнотах, но также обращает нас к мифу о похищении Европы Зевсом. Повествуя о насильственном похищении, миф о сотворении Европы говорит не только о том, что такое сама европейская культура, но и дает представление о ее отношениях с пространством, находящимся по соседству. Будучи похищенной Зевсом, превратившимся в белого быка, Европа, дочь царя Агенора, очаровала своего похитителя, и в ее честь был назван целый континент. Как и любой другой, этот миф имеет разные трактовки. Геродот, а вслед за ним раннехристианский теолог Лактанций попытались разоблачить эти идеи, демистифицировав эротическое содержание мифа и изъяв его из античных представлений. В их версии Европу похитил критский торговец и увез ее, предназначавшуюся для царя Астерия, на корабле, имеющем очертания быка. С тех пор жители Крита считают себя старейшими европейцами, а азиаты, чья дочь была насильственно увезена, рассматривают это похищение как тягчайшее преступление. Позже троянцы, стремясь отомстить, похитили Елену, дочь Менелая, в ответ на что Агамемнон, брат оскорбленного, начал самую известную в европейской истории войну. Укорененный в мифопоэтике, развитый в «Истории» Геродота, этот миф служит объяснением давнего непонимания между европейцами и азиатами.

Однако роль Азии в истории Европы рассматривалась всегда очень неоднозначно. С одной стороны, это давний соперник и в определенном смысле культурный антипод. Но с другой – бежавшие из-под стен Трои воины основали Рим, этот символ Западной цивилизации, а христианство, определившее как внутреннее содержание европейской культуры, так и ее отношения с соседями, зародилось как восточная религия. «Иисус Христос, источник истины и жизни ... возблагодарил Азию, где был рожден, и Африку, за которую сражался ... которые стали почти полностью европейскими» – так в 1625 г. писал Самуил Перчас, английский пропагандист заселения Америки, считавший, что лишь Европе принадлежит право осваивать новые

континенты [Purchas, 1625, p. 45]. «Почти полностью» в этой цитате означает, что даже Перчас с его фанатичной преданностью идее европейского господства не мог отрицать роли других игроков в Азии, таких как греческая церковь, подталкивавшая многих отказываться от верности Папе или обращаться в протестантскую веру.

Таким образом, похищенная азиатка дала имя Европе, скитальцы, бежавшие из-под стен Трои и основавшие Вечный город, дали ей политическую и культурную идентичность, а пророк, также выходец с Востока — ее религию. По мнению Гегеля, хотя Европа и была «центром и концом» Истории, началась История именно в Азии: «по своей характеристике Восток (*Orient*) — четверть мира, которая стала регионом происхождения» [Гегель, 1993]. Развитие цивилизации, движение империй, как и самого Солнца, согласно мыслителям Нового времени, неизбежно шло с Востока на Запад.

Соседствуя с Азией, оспаривавшей время от времени идею Европы как центра мировой цивилизации, европейцы вынуждены были концептуализировать значение своего континента в иных категориях. Для греков и наследовавших им римлян отношения между ними и остальным миром основывались на теории климата и географического окружения. Северная часть мира, согласно этим концепциям, была заселена народами, чье негостеприимное климатическое окружение воспитало в них такие качества, как храбрость и воинственность, но наряду с этим — невежество, или, если использовать латинизированный термин, ставший центральным для европейской идентичности, — «нецивилизованность». Те же, кто проживал на Юге, в Азии, были, наоборот, смыслены и умны, но медлительны, почти летаргичны, и категорически склонны к злоупотреблениям — свойства, ставшие для европейцев нарицательными при определении характера Востока. Европейцы же, тогда — жители Средиземноморья, находились между этими крайностями. Такое представление о Европе как о срединном пространстве между Севером и Югом, конечно же, будучи модифицированным на протяжении столетий, оказывало влияние на европейскую идентичность вплоть до XIX в. (чем как не отголоском таких представлений является разделение, предпринятое ООН в XX в., на страны «развитые» и «развивающиеся?»).

По мысли Страбона, предпринявшего первую попытку объяснить превосходство Европы над другими регионами, баланс между природным и человеческим определил особое положение континента. Именно из-за этой гармонии, как считали многие мыслители, Европа стала родиной свободы и справедливого управления. Вслед за Геродотом, утверждавшим, что свобода греков коренится в том, что они подчиняются не людям, а законам, Вольтер, уже тысячелетие спустя, сформулировал идею о том, что Европа — это «большая республика, разделенная на несколько государств», и все они имеют «общие правила закона и политики, не известные в других частях Света» [Нау, 1968, p. 123]. А за несколько лет до этого Монтескье заметил, что большая часть народов Европы управляется «законом», а Азия, Африка и Америка — деспотами [Монтескье, 1999].

Нарративы, разрабатываемые на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., свидетельствуют о нескольких процессах. Во-первых, осознание кризиса европейского единства было связано как с различиями между «старыми» и «новыми» членами ЕС, так и с процессами, протекающими вне европейского континента. Этот кризис не мог быть преодолен лишь политическими мерами. В основе единого подхода должно было, вероятно, лежать идейное согласие, которое так и не сложилось среди стран-членов. Именно поэтому деятели искусства рассматривались как сила, способная повлиять на европейский дух, в противовес европейскому телу. Во-вторых, была осознана необходимость нового подхода к европейскому прошлому ради объяснения настоящего. Концепт «ренессанса» должен был, с одной стороны, объяснить необходимость изменений, а с другой – акцентировать нереволюционность процесса, подчеркивая преемственность всей нововременной и современной европейской культуры. Во всех проектах и дискуссиях появляется приставка «ре-» и «пере-», что стало основой представлений о новом рождении Европы, вроде того, что случилось несколько столетий назад в результате Научной революции, заложившей основу современного общества знания, а также культура технологий и инноваций. И так же, как эпоха Ренессанса черпала свое вдохновение в идеалах греческой и римской культуры, новый европейский нарратив должен был засвидетельствовать преемственность между европейской культурой Нового времени и современностью.

ЕДИНСТВО МНОЖЕСТВЕННОСТЕЙ

Одной из основных идей теории цивилизаций Освальда Шпенглера является то, что Европа рассматривается лишь как одна из многих цивилизаций, не имеющая интеллектуального превосходства над иными культурами, такими как, например, арабская, индийская или другие. В этом смысле европейский нарратив Шпенглера должен был противостоять европоцентризму и был одной из ранних попыток утверждения идеи множественности. На протяжении последних десятилетий сформировались разные способы полагания себя европейцем. Идентификация, как правило, предполагает акцентирование различий, и Европа постоянно проводила между собой и своими соседями, а также внутри себя такие разделительные линии.

Пространственно-временные представления европейского общества сегодня формируются в условиях «мемориального бума», который являет себя во всем – от политических практик до меню ресторанов. Рубеж XX и XXI столетий стал временем историзации европейского общества, и это «возвращение к истории» воспринимается как «возвращение Европы». В то время как процесс экономической и политической интеграции начался в Европе в послевоенный период, волна культурной интеграции берет свое начало только с 1990-х гг., что, вероятно, было связано с окончанием Холодной войны и «размораживанием» целого ряда сложных вопросов. Воссоединение западно- и восточно-европейских стран, полагаемое как пространственная реунификация Европы, поставило и проблему темпорального

объединения, что было связано не столько с разным уровнем развития стран европейского континента, но и с различным прочтением своего прошлого. Если, с точки зрения уровня материального развития, страны «Старой Европы» могли ожидать (а в действительности, требовать) от восточно-европейских государств определенного движения вперед, то в сфере коллективной памяти это был диалог равных – обеим сторонам было в чем упрекнуть друг друга.

В результате последнее десятилетие XX в. и начало нынешнего столетия стали временем формирования новых пространственно-темпоральных границ Европы. Сам континент как целостность стал пониматься по-новому, даже несмотря на то, что его ядро по-прежнему составляли государства, где идеи европейской идентичности имеют глубокие исторические корни. Если Копенгагенская декларация декабря 1973 г. о провозглашении европейской идентичности в целях защиты мировой позиции Европы заложила основу этому процессу, то окончание Холодной войны сделало его необратимым [The Meaning of Europe, 2002].

Идея времени и пространства тесно переплелись в истории Европы, идентичность которой (конечно же, в конструктивистском понимании!) может быть описана как в синхронных, так и в диахронных категориях. Хотя связь между ними безусловна, порой представляется, что именно прошлое определяет современное понимание того, что есть Европа и каковы ее отличительные черты. Как и в любой сконструированной идентичности, многократно переработанная память, своего рода палимпсест, вместе с образами прошлого, дополненными современными мотивами, составляют ту пространственно-временную матрицу, которая вмещает всю совокупность представлений о современной Европе. Для европейской идентичности пространственно-темпоральная матрица идентичности в определенном смысле более важна, чем для национального самосознания, в первую очередь потому, что мифологические истоки континента отыскать, как правило, сложнее, чем национальные корни. Именно поэтому сегодня находится большое количество тех, кто считает, что «европейская идентичность» является одной из наиболее иллюзорных, полагая, что Европа существует лишь в терминах географических, экономических и политических, но никак не в культурных категориях. Ссылаясь на Маастрихтский договор, евроскептики, как правило, забывают, что само это соглашение было бы невозможным, не обладай европейский континент набором культурных символов, превращающих его в гораздо более, чем просто географическое пространство. Да и само апеллирование к прошлому, как к основе современности, наделяет Европу смыслами единства.

Запад и Восток – это лишь одна из осей противостояния внутри Европы, через которую она вглядывается в саму себя, расположенную по другую сторону разделительной линии. Восточная и Западная Европа создавали взаимные представления друг о друге, начиная с эпохи Просвещения. Однако эти образы были укоренены, вероятно, еще в более раннем периоде Римской империи и раннего христианства, а также разделении на католическую и православную религию [Wolff, 1994, 4ff., 11f.]. Восточная Европа в этом процессе одновременно и включалась в сообщество

европейских народов, и исключалась из него, полагаясь в качестве срединной зоны, лежащей между Западом и Востоком. Поствоенный же период засвидетельствовал новое проведение границ, и католическая Польша, вместе с рядом других центрально-европейских стран, оказалась с восточной стороны границы.

Наконец, 1989 г. принес новое разделение, и ряд бывших социалистических стран вошли в состав Европейского союза, что потребовало нового пересмотра карты Европы, ее внутренних и внешних границ, а восточные территории вновь стали предметом активных дебатов [Wolff, 1994, 7ff.]. Но это сделало необходимым и реконфигурацию европейской идентичности. Этот процесс выработки идентичности на Востоке Европы совпал по времени и с поисками своего определения в Европе в целом, пересмотра ее прошлого, настоящего и будущего.

В 1989 г. граждане ЕС уже ощущали необходимость вдохнуть в идею Европы новую жизнь для того, чтобы легитимировать политико-экономический процесс унификации. Эта потребность стала еще более насущной после того, как в 2004 г. в состав Европы вошел целый ряд «новых» стран, что значительно расширило географические границы и количество «европейцев», подвергнув испытанию политические и экономические ресурсы континента. Расширение сделало переопределение европейской идентичности и крайне необходимым, и очень сложным одновременно, поскольку то понимание Европы, которое существовало ранее в сознании западно-европейцев, уже не отвечало действительности.

В реальности очень сложно осуществить картографирование Восточной Европы, поскольку там существует слишком много динамических внутренних границ и разграничений. Эти границы связаны с культурными и политическими, внутренними и внешними, историческими и современными факторами. Но, обладая очень разным историческим опытом, страны Европы по-разному видят свое развитие в рамках европейского сообщества, каждая из них иначе, чем ее соседи, определяет свою роль в составе ЕС. И отражает ее в своих нарративах.

Вероятно, еще более важно и то, что эти страны по-разному относятся к тому нарративу Европы, который существует сегодня. Сам концепт «Восток — Запад», как и «старая — новая Европа», представляет собой очень проблематичную дихотомию, нуждающуюся, вероятно, в осторожной деконструкции. Более справедливо было бы, наверное, говорить о том, что каждая из европейских стран сегодня является одновременно и «старой», и «новой» в зависимости от той исследовательской или полемической оси координат, в которой Европа определяется. Говоря же о «Востоке» Европы и полагая его менее развитой, по сравнению с Западом, территорией, политики, а часто и исследователи, действуют в рамках «внутреннего ориентализма», наделяя признаками «европейскости» или «восточности» те или иные пространства Европы [Kuis, 2004]. Сам же континент предстает тогда в качестве пространства, которое никогда не может быть единым, поскольку его внутренние границы неизживаемы.

В статье Бастиана Уильямса, молодого исследователя из Эдинбургского университета, открывающей рубрику «Тема номера», понятие «границы» рассматривается в самом широком смысле. Более того, идентичность населения Восточной Пруссии, ставшего частью советского народа, тоже может быть описана как пограничная. Эта «пограничность» региона использовалась канцлером Конрадом Аденауэром в процессе создания и легитимации ФРГ, в результате чего один проект идентичности способствовал формированию другого, а вместе они составляли концентрическую идентичность.

Феномен концентрических идентичностей еще далеко не изучен, особенно применительно к европейским идентичностям. Когда молодежь Европы сетует на пропасть, разделяющую локальное и глобальное, между которыми лежат еще региональный и национальные уровни, то речь, очевидно, идет именно об этом сочетании разного уровня идентичностей. Думается, что такой подход, в рамках которого идентичности не противопоставляются одна другой, а полагаются в качестве дополняющих и составляющих части друг друга, мог бы стать основой общеевропейской идеи. Но такие концентрические идентичности требуют концентрических нарративов.

Европейская история знает не один пример конструирования национальных идентичностей, в результате которых прежние — локальные и региональные — не просто не уничтожались, а становились частью национальных культур. Хотя «заказчиками» новых идей являлись политики, их «конструкторами» были интеллектуальные элиты, перерабатывавшие региональные нарративы и «изобретавшие» нации в процессе обработки прошлого. Аналогичная задача, вероятно, стоит сегодня перед европейскими элитами, с той только разницей, что современные идентичности не сводятся лишь к локальным, региональным или национальным. Наднациональный уровень самосознания, по мнению европейских интеллектуалов, сегодня конкурирует с национальными формами осознания себя.

Если и в середине XX в. миф о нации был далек от того, чтобы стать фактом прошлого, то спустя несколько десятилетий он превратился в один из определяющих факторов мирового развития, детерминируя все уровни культуры и политики, начиная от глобального и заканчивая региональным и локальным. При этом в последние годы все более серьезное влияние приобретает этнонациональный миф, согласно которому нации определяются не общим историческим наследием, включающим язык, религию, этнические корни. Недооценка возрастающей роли именно такого понимания нации, по мнению профессора истории Католического университета Америки (Вашингтон) Джерри Мюллера, грозит опасностью [Muller, 2008]. Одним из факторов возрастающей роли этнонационализма становится массовый приток иммигрантов в развитые страны, в первую очередь, Европы и США.

Одна из проблем, лежащая в основе формирования идентичностей разного уровня в современной Европе, связана с феноменом массовых этнических миграций, которому посвящено множество исследований, касающихся как общих теоретических

вопросов, так и ситуации в отдельных странах [Cornelius, Tsuda, 2004; Тардис, 2016; Федоров, 2016]. Среди множества дилемм, порожденных наплывом инокультурных иммигрантов в развитые страны Европы, помимо вопросов о режиме въезда, социальном обеспечении, политических правах приезжих и т.д., проблема их восприятия принимающим сообществом является одной из наиболее значимых и сложных. И дело, очевидно, даже не в том, что в целом ряде государств Старого Света, таких как, например, Голландия или Великобритания, провозглашено стремление к созданию мультикультурного общества, что находит далеко не однозначное восприятие среди европейцев, включая академические круги. Более значимо то, что развитые нарративы мультикультурализма разбиваются вдребезги, столкнувшись со стереотипами массового сознания, уходящими корнями глубоко в почву национального мышления.

Две статьи, также входящие в «Тему номера», посвящены вопросу о европейских миграциях и его отражению в современных (над)национальных нарративах. Миф о несовместимости культур – европейской и исламской – основывается на убеждении в гомогенности европейских наций, корнями уходящими в традиции Просвещения, эпоха которого впервые выдвинула идею о народном суверенитете, лежащем в основе нации, в противовес власти монархов. Многие европейцы, в том числе и ученые, политики, и значительное число обычных граждан, считают, что массовый приток иммигрантов угрожает «иудео-христианской» традиции и наследию Просвещения, которое провозгласило равенство мужчины и женщины, а также отделение церкви от государства, всему тому, что составляет основу европейских наций. Традиции и идеалы Просвещения представляются не только рядовым европейцам, но и ученым, и политикам той крепостью, которую нужно защищать от исламского экстремизма, ввезенного в Европу тысячами иммигрантов с Востока. Для тех, кто чтит себя ревностными членами европейских наций, ценности Просвещения носят не просто универсальный характер, но, что более важно, являются «нашими», то есть западными ценностями, тем, что лежит в основе идентичности европейских наций.

В статье В.А. Шнирельмана анализируется то, как миграционная динамика используется разными политическими силами современной Австрии для создания собственных нарративов. Историческая память при этом становится одним из центральных элементов нового сознания, превращаясь в самостоятельную силу. Обуславливая этнонациональные процессы, память является очень подвижной системой, в одно и то же время и детерминируя эволюцию представлений о нации на уровне группы, и попадая в зависимость от социокультурных обстоятельств и геополитической ситуации. Историческая память, способствуя эволюции культуры, способна «перемалывать» и адаптировать те представления, которые не соответствуют идее этнической солидарности и создавать новые нарративы.

Любой нарратив выполняет очень важную функцию секьюритизации. Глобализация и интеграция вкупе с многотысячными потоками инокультурных иммигрантов создают впечатление потери, разрушения прежних систем взаимоотношений, в

рамках которых национальное государство было ответственно за экономическое и социальное положение граждан. Мифы и символы, санкционируемые и порой поддерживаемые властями, основываются на страхах, питательной почвой для которых становится эпоха перемен, кризиса или крушения устоявшихся представлений. Создатели новых национальных нарративов воспроизводят национальную идентичность, используя этнические символы и идеи, в том числе и представления о родстве, общей укорененности группы в прошлом. Ядро этой этнической идентичности и составляет мифо-символический комплекс — смесь мифа, памяти, знаков и символов, который не просто определяет, кто входит в состав группы, но также и то, что значит быть членом этой группы. Существование, статус и безопасность группы в этом случае находятся в прямой зависимости от статуса групповых символов, именно поэтому люди сражаются и умирают за эти символы, и поэтому они готовы следовать за своими лидерами, которые манипулируют символами в целях достижения своих интересов [Kaufman, 2001, p. 25].

В статье профессора Южного федерального университета А.В. Лубского нацистронительство в Германии тоже рассматривается в связи с притоком иммигрантов. При этом, как и в статье В.А. Шнирельмана, предметом исследования являются, скорее, скептические настроения по поводу успешной интеграции инокультурных иммигрантов. Миграционная дилемма рассматривается как то, что способно лишь усиливать национальный нарратив, препятствуя формированию национально-гражданской идентичности и складыванию общеевропейского нарратива, в котором Европа является домом для всех, разделяющих европейские ценности.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Европейский нарратив в начале XXI в. вновь становится самостоятельной ценностью, являющейся предметом конкурентной борьбы. Он не только стал результатом деятельности политиков и интеллектуалов, но сам стимулирует их действия. Более того, будучи ориентированным на широкие слои населения, он способен выполнять мобилизационную функцию и мотивировать поведение масс. Наконец, нарратив сам по себе является функцией времени. Темпорализация нарратива, а также полагание его в качестве самодостаточной цельности превращают «приключение Европы», о котором речь шла в начале статьи, в «приключение европейского нарратива». Кризис, охвативший все стороны жизни европейского общества, в действительности является кризисом прежнего нарратива Европы, и угрозе подвергается не сам континент, а те формы и содержания, с помощью которых он описывался. А это значит, что неоконченное приключение Европы продолжается!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 477 с.

Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.

Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 6. Киев: Б.К. Фукс, 1902. С. 87–102.

Тардис М. Роль Франции в урегулировании миграционного кризиса // *Современная Европа*. 2016. № 4. С. 83–93.

Федоров В. Колонизация Европы: вероятный сценарий // *Современная Европа*. 2016. № 2. С. 11–22.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологи мировой истории. Том I-II. М.: Мысль, 1998. 666 с.

Cornelius W. Tsuda T. Controlling Immigration: The Limits of Government Intervention // *Controlling Immigration. A global Perspective*. Stanford, 2004. P. 3.

European Commission Cultural Committee. New Narrative for Europe, Brussels. 2014. European Commission. URL: ec.europa.eu/debate-future-europe/new-narrative/declaration_en.pdf (дата обращения – 31 июля 2015 г.).

European Cultural Foundation. New Narratives for Europe: Seminar 10 May 2010, Amsterdam, ECF. URL: static.squarespace.com/static/518ffb81e4b062dc2241ccbd/t/52010a08e4b0929e453d7829/1375799816390/New+Narratives+for+Europe+Seminar+Mar+2011.pdf (дата обращения – 9 мая 2018 г.).

Hay D. Europe: The Emergence of an Idea. Edinburg: University Press, 1968. 151 p.

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Free Press. 2006. 464 p.

Kaufman S.J. Modern Hatreds. The Symbolic Politics of Ethnic War. USA: Ithaca-L., 2001. 280 p.

Kuus M. Europe's Eastern Expansion and the Reinscription of Otherness in East-Central Europe // *Progress in Human Geography*. 2004. № 28 (4). Pp. 472–489.

Muller J. Z. The Enduring Power of Ethnic Nationalism // *Foreign Affairs*. 2008. March/April.

Privot M. A New Narrative for Europe: From Myth to Mythomania. 2014. URL: <https://www.euractiv.com/section/eu-elections-2014/opinion/a-new-narrative-for-europe-from-myth-to-mythomania/> (дата обращения – 11 мая 2018 г.).

Purchas S. Hakluytus Posthumus or Purchas his Pilgrimes, contayning a History of the World // *Sea Voyages and Lande Travells, by Englishmen and others (5 vols.)*. London. 1625. V. I.

Rigney A. Transforming Memory and the European Project // *New Literary History*. 2012. № 43(4). Pp. 607–628.

Malmborg M., Strath B. (ed.) The Meaning of Europe. UK: Berg Publishers. 2002. 340 p.

Todorov T. The New World Disorder: Reflections of a European. Cambridge: Polity. 2005. 120 p.

Wolff L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, CA: Stanford University Press. 1994. 419 p.

REFERENCES

- Gegel' G.V.F. *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the philosophy of history]. SPb.: Nauka, 1993. 477 p. (in Russian).
- Montesk'ye Sh.L. *O dukhe zakonov* [On the spirit of the laws]. M.: Mysl', 1999. 672 p. (in Russian).
- Renan E. Chto takoye natsiya? [What is a nation?], in Renan E. *Sobraniye sochineniy v 12-ti tomah* [Collected works in 12 volumes]. T. 6. Kiyev: B.K. Fuks, 1902. Pp. 87–102 (in Russian).
- Tardis M. Rol' Frantsii v uregulirovanii migratsionnogo krizisa [The role of France in the settlement of the migration crisis], in *Sovremennaya Yevropa*. 2016. № 4. Pp. 83–93 (in Russian).
- Fedorov V. Kolonizatsiya Yevropy: veroyatnyy stsenariy [Colonization of Europe: a plausible scenario], in *Sovremennaya Yevropa*. 2016. № 2. Pp. 11–22 (in Russian).
- Shpengler O. *Zakat Yevropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii*. Tom I-II [The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. Volume I-II]. M.: Mysl', 1998. 666 p. (in Russian).
- European Commission Cultural Committee. *New Narrative for Europe, Brussels*. 2014. European Commission. URL: ec.europa.eu/debate-future-europe/new-narrative/declaration_en.pdf (accesses 31 July 2015).
- European Cultural Foundation. *New Narratives for Europe: Seminar 10 May 2010, Amsterdam, ECF*. URL: static.squarespace.com/static/518ffb81e4b062dc2241ccbd/t/52010a08e4b0929e453d7829/1375799816390/New+Narratives+for+Europe+Seminar+Mar+2011.pdf (accesses 9 May 2018).
- Hay D. *Europe: The Emergence of an Idea*. Edinburg: University Press, 1968. 151 p.
- Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press. 2006. 464 p.
- Kaufman S.J. *Modern Hatreds. The Symbolic Politics of Ethnic War*. New York: Ithaca-L., 2001. 280 p.
- Kuus M. Europe's Eastern Expansion and the Reinscription of Otherness in East-Central Europe, in *Progress in Human Geography*. 2004. № 28 (4). Pp. 472–489.
- Muller J.Z. The Enduring Power of Ethnic Nationalism, in *Foreign Affairs*. 2008. March/April.
- Privot M. *A New Narrative for Europe: From Myth to Mythomania*. 2014. URL: <https://www.euractiv.com/section/eu-elections-2014/opinion/a-new-narrative-for-europe-from-myth-to-mythomania/> (accesses 11 May 2018).
- Purchas S. Haklyutus Posthumus or Purchas his Pilgrimes, contayning a History of the World, in *Sea Voyages and Lande Travells*, by Englishmen and others (5 vols.). London. 1625. V. I.
- Rigney A. Transforming Memory and the European Project, in *New Literary History*. 2012. № 43(4). Pp. 607–628.

Malmborg M., Strath B. (ed.) *The Meaning of Europe*. UK: Berg Publishers. 2002. 340 p.

Todorov T. *The New World Disorder: Reflections of a European*. Cambridge: Polity. 2005. 120 p.

Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, CA: Stanford University Press. 1994. 419 p.